

Монашеская община как сообщество друзей и как школа внимания: «Правило» Августина и «Правило» Бенедикта

В Средневековье блаж. Августину приписывалось три монастырских правила. Это *Consensoria monachorum*, или *Regula prima* («Согласованное правило», «Первое правило»); *Ordo monasterii* («Уложение»), определяющее порядок богослужений и распорядок жизни в монастыре; и *Praeceptum*, или *Regula ad servos Dei* («Предписание, или Правило для рабов Божьих») – руководство для мужской монашеской общины. Существовала также *Regularis Informatio* – версия «Предписания», адресованная женской монашеской общине. В XVI–XVII вв., когда появляются критические издания трудов Августина, аутентичным признается лишь третье из этих правил. Эразм Роттердамский и Беллармин считали, что *Praeceptum* было написано для женской общины, а «мужскую» версию рассматривали как более позднюю. В основном они исходили из того, что «женская версия» «Предписания» присоединена к письму 211, обращенному к монахиням по поводу споров об избрании новой настоятельницы. В XIX в. письмо 211 расценивалось как подлинное, однако присоединенное к нему правило трактовалось как компиляция из проповедей Августина. В XX в. фундаментальные исследования, основанные на изучении рукописей, сопоставлении с другими ранними западными монастырскими уставами и анализе творчества Августина, доказали подлинность *Regula ad servos Dei* и установили, что это наставление было первоначально составлено для мужской общины¹.

Путь Августина к монашеству был долгим². Он начался в Карфагене, когда девятнадцатилетний Августин, изучая риторику, прочел утраченный ныне диалог Цицерона «Гортензий». Судя по замечаниям самого Августина, в этом тексте Цицерон доказывает, что ни чувственные удовольствия, ни богатства, ни почести не приносят истинного счастья, которое заключается лишь в любви к мудрости. «Мне вдруг опротивели все пустые надежды; бессмертной мудрости желал я в своем невероятном сердечном смятении и начал уже вставать, чтобы вернуться к Тебе», – вспоминает Августин в «Исповеди» (Confess. III, 4)³. Чтение Цицерона отвратило Августина от стремления к богатству; карьера ратора и супружество оказались более серьезными препятствиями для созерцательной жизни. Но главный вопрос заключался в том, где следует искать истину. Как известно, Августин поначалу обратился к манихейству, а впоследствии сильное влияние на формирование его философского мышления оказал неоплатонизм.

Когда Августин занимал должность ратора в Милане, он вместе с друзьями – Алипием, Небридием, Романианом и другими – составлял планы «свободной жизни вдали от толпы» (Confess. VI, 14) «Эту свободную жизнь мы собирались организовать таким образом: каждый отдавал свое имущество в общее пользование; мы решили составить из отдельных состояний единый сплав и уничтожить в неподдельной дружбе понятие “моего” и “твоего”; единое имущество, образовавшееся из всех наших средств, должно было целиком принадлежать каждому из нас и всем вместе. В это сообщество нас собиралось вступить человек десять, и среди нас были люди очень богатые, особенно один земляк мой, Романиан... Он особенно настаивал на этом обществе, и его уговоры имели большой вес, потому что его огромное состояние значительно превосходило средства остальных. Мы постановили, чтобы два человека, облеченные как бы магистратурой, в течение одного года заботились обо всем необходимом, оставляя прочих в покое» (Confess. VI, 14). Однако этот проект не осуществился, поскольку некоторые из друзей были женаты, а сам Августин собирался вступить в брак.

О существовании монашества Августин впервые услышал от своего земляка Понтициана, который рассказал ему о египетском аскете св. Антонии и о монастыре под Миланом (Confess. VIII, 6). Этот рассказ сыграл значительную роль в обращении Августина – в

решении посвятить свою жизнь только Богу. Августин отказался от брака, а вскоре и от преподавания риторики. В 386–387 гг., готовясь к принятию крещения, Августин живет с друзьями в Кассициаке, в имении своего друга Верекунда. В этот период Августин написал «Против академиков» (*Contra Academicos*), «О блаженной жизни» (*De beata vita*), «О порядке» (*De ordine*) и «Монологи» (*Soliloquia*). «Его жизнь проходит в молитвах, посте, физическом труде, философских размышлениях и созерцании. Философия была неотъемлемой частью этого «монашеского» опыта... Очевидно, такая затворническая жизнь способствовала философскому творчеству, а Августин считал, что философия ведет к созерцательной жизни», – комментирует М.Суини⁴. Жизнь этого сообщества друзей ярко изображена Августином в диалоге «О порядке» – блестящем литературном образце философской прозы.

После крещения Августин оставил Милан и решил вернуться в Африку. В Остии умерла Моника. Простившись с ней, Августин провел год в Риме (в «Исповеди» об этом периоде не упоминается). Там он познакомился с монашеской практикой, посетил мужские и женские монастыри, которых в городе было несколько. Августин обнаруживает, что в них господствует не суровая аскеза, к которой призывали манихеи, а любовь (*charitas*) и забота братьев друг о друге. Главный принцип – единство в любви (*De mor. Eccl. cath.* 1, 33, 70–73). После возвращения в Африку, в родной Тагаст, Августин продает свое имущество и раздает вырученные деньги бедным. Вместе с друзьями и близкими, среди которых и его сын Адеодат, Августин поселяется за городом, в уединении. Здесь он пишет «Об истинной религии» (*De vera religione*), где созерцание Бога характеризуется как «покой» мысли (*otium cogitationis*), и диалог «Об учителе» (*De magistro*). Однако уединение Августина постоянно нарушали соотечественники, обращавшиеся к нему с различными просьбами. Августин решает покинуть Тагаст и отправляется в Гиппону, чтобы поискать место для монастыря.

Как рассказывает Поссидий (*Vita S. Augustini*, 3–4), Августин избегал городов со свободной епископской кафедрой, опасаясь, что ему ее предложат. Но в Гиппоне Августин зашел в церковь в тот момент, когда местный епископ предложил прихожанам избрать священника, который бы помогал ему в чтении проповедей.

Выбор, естественно, пал на Августина. Августин принял возложенное на него служение, но по-прежнему стремился вести монашескую жизнь. Епископ отдал в его распоряжение сад при церкви, и там Августин устроил свой монастырь. Образцом для Августина и его единомышленников служит община первых христиан, какой она предстает в Писании: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, кто в чем имел нужду (Деян. 4, 32–35)». Община состояла из мирян, но в ней с самого начала был по крайней мере один священник – сам Августин.

В 395 г. Августин был возведен в сан епископа. Теперь он уже не мог жить в своем монастыре: епископ, по представлениям Августина, был бы недостойн своего звания, если бы не предоставлял всем желающим гостеприимства, однако многочисленные посетители нарушили бы порядок монашеской жизни (Serm. 355, 2). Поэтому Августин основал при епископате монастырь клириков. Там было меньше возможностей для уединения и созерцания, чем в общине мирян, поскольку на епископе лежало множество обязанностей: ежедневные богослужения, проповедь, катехизация, забота о бедных и притесненных, церковный суд. Несколько клириков из гиппонской общины стали впоследствии епископами африканской церкви; одним из них был Поссидий, составитель первой биографии Августина⁵. Кроме того, Августин основал в Гиппоне женский монастырь, который возглавляла его сестра и куда вступили его племянницы. Именно этой общине адресованы Письма 210 и 211: после смерти настоятельницы монахини восстали против новой аббатиссы, и Августин обратился к ним с увещанием.

Для какой из этих общин было предназначено «Правило»? Для женской, поскольку оно присоединено к письмам 210 и 211, и в таком случае первична «женская версия»? Исследования показали, что первичен текст *Regula ad servos Dei*. Сложнее обстоит дело с его датировкой и, соответственно, адресатом. 391 г. и община мирян в Гиппоне? 400 г., когда был написан трактат «О трудах монашеских» (*De opere monachorum*), и община в Карфагене? Мнения специалистов расходятся⁶.

«Правило» начинается призывом: «*Haec sunt quae ut observetis, praecipimus in monasterio constituti. Primum, propter quod in unum estis congregati, ut unanimes habitetis in domo et sit vobis anima una et cor unum in Deum*» (Regula 1.1–2). «Мы призываем вас, составляющих религиозную общину, выполнять следующие предписания. Прежде всего, живите в мире (Пс. 68), будучи единым умом и единым сердцем (Деян. 4, 32) на пути к Богу, для чего вы и собраны воедино»⁷.

Монашеская жизнь предстает как путь к Богу в контексте всей философии Августина. Эту взаимосвязь М.Суини характеризует следующим образом: «Путь к Богу есть внутреннее путешествие: движение к Богу начинается с поворота от внешнего мира к душе, а затем продолжается в самой душе до тех пор, пока не будет открыто присутствие Бога в уме. ...С точки зрения языка, это переход от внешней речи к внутреннему рациональному диалогу и, наконец, к нетварному Слову. Это внутреннее путешествие сопровождается постепенным умолканием всего, что не есть Бог, в том числе и самой души. Цель этого молчания – услышать Бога, позволить Ему заговорить; т.е. дать зазвучать Его Слову. Все тварное замолкает и все тварные роды деятельности прекращаются, включая и философию. Внутренний философский диалог заканчивается молчанием – слушанием и ожиданием Бога, так что человеческая активность уступает место божественной. Следовательно, философия должна развиваться в одиночестве и молчании, вдали от суеты внешнего мира. Всякий род внешнего диалога, размышления и опыта, в которых нуждается философия, нацелены на то, чтобы достичь молчаливого созерцания и слушания Бога. В таком случае неудивительно, что Августин всегда стремился вести жизнь монаха»⁸.

Однако для Августина этот путь возможен лишь в единстве с другими проходящими его. Августин не мыслит жизни без дружбы. «*In quibuslibet rebus humanis nihil est homini amicum sine homine amico*» (Ep. 130, 2, 4): все враждебно тому, у кого нет друга. Августину было близко определение, данное в трактате любимого им Цицерона: «Дружба не что иное, как согласие во всех делах божеских и человеческих в сочетании с благожелательностью и привязанностью» (О дружбе, VI, 20)⁹. Согласие друзей для Августина основывается на истине: «Не может быть другом ни одному человеку тот, кто не друг истине» (Ep. 155, 1). Поиск истины и стремление к ней для Августина составляет смысл дружбы, что иллюстри-

руют многочисленные места из «Исповеди», например, рассказ о Небридии: «Небридий оставил родину, находившуюся по соседству с Карфагеном, и самый Карфаген, где он постоянно бывал, оставил прекрасную отцовскую деревню, оставил родной дом и мать, которая не собиралась следовать за ним, и прибыл в Медиолан только для того, чтобы не расставаться со мной в пылом искании истины и мудрости» (Confess. VI, 17). Приняв истину Писания, Августин придает античному культу дружбы новый смысл: ее основанием становится любовь к Богу. «Истинной дружба бывает только в том случае, если Ты скрепляешь ее между людьми, привязавшимися друг к другу «любовью, излившейся в сердца наши Духом Святым, Который дан нам» (Рим 5:5)» (Confess. IV, 4). Дружба, коренясь в свободе, требуя верности и возрастая благодаря любви, приводит к единству друзей в Боге: «В первую очередь – согласие в делах божественных, затем в делах человеческих; если соблюдем их со всей верностью, дружба наша будет искренней и вечной и соединит нас не только друг с другом, но и с Господом» (Ер. 258, 4).

Дружба остается для Августина идеалом монашеской жизни, любовь – ее основой. Любовь (amor) облегчает бремя забот: благодаря ей трудное становится легким, привычное новым (De bono viduit. 21, 26; De catech. rud. 12, 17). Христианская любовь (charitas) – та, которую превозносит апостол Павел: «Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине» (1 Кор. 13, 4–6). В «Правиле» говорится о проявлении любви в повседневной жизни общины – о распределении имущества, посте и молитве, отношении к больным, прощении и примирении. Богатые и высокопоставленные люди, лишаясь привилегий, не должны быть унижены, и нужно проявлять к ним снисхождение, если им трудно привыкнуть к аскезе. Бедные не должны гордиться своим новым положением (Regula I, III). Больным следует давать пищу, которая им нужна и полезна (V). В случае ссоры необходимо сразу просить прощения и давать его (VI). Настоятель должен быть примером для братьев, ободрять малодушных, проявлять терпение, заботиться обо всех и стремиться к тому, чтобы его любили больше, нежели боялись (VII). «Donet Dominus, ut observetis haec omnia cum dilectione, tamquam spiritualis pulchritudinis amatores et bono Christi

odore de bona conversatione flagrantes, non sicut servi sub lege, sed sicut liberi sub gratia constituti» (VIII, 1). «Пусть дарует Господь, чтобы Вы соблюли все эти наставления, возлюбив духовную красоту и источая благой жизнью своей благоухание Христово: не как рабы, находящиеся под законом, но как свободные под покровом благодати», – пишет Августин в заключении, возвращаясь к своим постоянным темам: свободе, благодати, духовной красоте как предмету стремления.

Свой *Устав*, или *Правило для монахов* (*Sancti Benedicti Regula, Regula monachorum*), св. Бенедикт составлял в монастыре Монте Кассино, основанном им около 529 г. Обычно «Устав» датируется 530 г., хотя возможно, что св. Бенедикт работал над ним вплоть до своей смерти (547–560, точная дата неизвестна). *Regula monachorum* – вероятно, единственное дошедшее до нас произведение Бенедикта (существует гипотеза, что «Правило Учителя» (*Regula magistri*), широко использованное в «Правиле для монахов», тоже было написано Бенедиктом, но в более ранний период). Великолепное критическое издание «Правил» с обширными текстологическими, историческими, филологическими и богословскими комментариями было опубликовано в серии *Sources Chrétiennes*¹⁰.

Источником сведений о св. Бенедикте служат «Диалоги» папы Григория Великого, датируемые 593–594 гг.: во второй книге «Диалогов» содержится житие Бенедикта. Бенедикт начинал свой иноческий путь как отшельник, но стал одним из основателей западного общежительного монашества. Уроженец Нурсии, Бенедикт учился в Риме, но вскоре покинул город. Он поселился в пещере в Субиако, в ущелье над искусственным озером, созданным императором Нероном, и провел три года в полном одиночестве. Затем отшельника обнаружили, слава о нем распространилась, и к нему стали стекаться ученики. Образовалась большая община, которую Бенедикт расселил, построив двенадцать монастырей на правом берегу Анио. В каждом монастыре двенадцать монахов объединялись вокруг «отца» (аббата). Однако через некоторое время Бенедикт и его община подверглись преследованиям со стороны местного священника. Покинув Субиако, святой отправился на юго-восток от Рима, в горы, где основал новый монастырь – Монте Кассино, в котором провел всю оставшуюся жизнь. Монастырь был уничтожен

ломбардами и покинут монахами четверть века спустя, около 580 г. Оставался «Устав», и именно это маленькое произведение, вместе с «Диалогами» Григория Великого, будет широко распространяться по всей Европе¹¹.

Для Бенедикта монастырь – это школа евангельской жизни. Школа собирается вокруг учителя, отца своих духовных чад. Цель учения – возвращение к Богу, от которого первый человек (Адам) отпал из-за непослушания. «Obsculta, o fili, praecepta magistri, et inclina aurem cordis tui, et admonitionem pii patris libenter excipe et efficaciter comple, ut ad eum per oboedientiae laborem redeas, a quo per inoboedientiae desidiam recesseras (Prologus, 1–2). «Выслушай, сын мой, наставления учителя, и приклони к ним ухо сердца. Это советы любящего отца – прими их охотно и прилежно исполни. Так трудом послушания ты возвратишься к Тому, от Кого отделился, впад по праздности в непослушание»¹². «Constituenda est ergo nobis dominici schola servitii» (Prologus, 45): «Итак, устроим школу, чтобы научиться служить Господу».

Во главе монастыря стоит аббат. Он должен быть достоин своего имени: ведь отцом («аббат» от арамейского «авва») он называется потому, что это имя Господа. Бенедикт ссылается на апостола Павла: «Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым зываем: «Авва, Отче!»» (Рим. 8, 15). Аббат представляет Учителя – Христа, и не должен устанавливать ничего, что выходило бы за пределы заповедей Господних. Аббат должен всегда помнить, что за свой труд он даст отчет Богу (II, 1–6). Пастырь отвечает за своих овец, овцы же должны слушаться его. В Судный день настоятель, проявивший должную заботу о своих учениках, скажет: «Правды Твой не скрывал я в сердце моем, возвещал верность Твою и спасение Твое» (Пс. 39, 11). Жизнь аббата не должна расходиться с его наставлениями: он учит не только словом, но и личным примером (II, 11–15). Глава общины с равной любовью относится ко всем братьям, не делая различия между рабом и свободным, ибо перед Господом все люди равны (II, 16–22). Аббат одновременно строгий наставник и любящий отец (II, 24). Он увещевает словом, но при необходимости прибегает и к наказаниям (II, 27–29). Он действует по-разному, сообразуясь с поведением и складом каждого брата. Однако, искореняя грехи бра-

тьев и ведя своих духовных детей к Богу, аббат должен прежде всего постоянно требовать отчета от себя самого и исправлять собственные недостатки (II, 39–40).

Когда нужно принять важное решение, касающееся всего монастыря, аббат собирает братьев на совет. Каждый может высказаться, однако право решения принадлежит только настоятелю, и монахи должны беспрекословно исполнять его слово. При этом все в монастыре – как ученики, так и аббат – подчиняются Уставу (III).

Для учеников, вступивших в школу служения Богу, Бенедикт предлагает в четвертой главе Устава следующие правила. Прежде всего необходимо исполнить библейские заповеди: возлюбить Господа Бога всем сердцем, всей душой, всей крепостью своей, и ближнего, как самого себя (Мк. 12, 30–31); соблюсти запреты Декалога (IV, 3–7); почитать всех людей; не делать другому того, чего себе не желаешь (8–9). Затем нужно отвергнуться себя и следовать за Христом (10): поститься с радостью, кормить бедных, одевать нагих, посещать больных, хоронить мертвых, помогать в беде, утешать страдающих (11–19); чуждаться дел «века сего» и ничего не предпочитать любви Христовой (20–21); не совершать поступков во гневе и не стремиться к мести (22–23); не замышлять обмана (24); не отступать от любви (26); не клясться, чтобы не нарушить клятвы (27); истина пусть исходит из сердца, не только из уст (28); не воздавать злом за зло (29); не совершать несправедливости, а если она совершится, переносить ее с терпением (30); любить врагов (31); благословлять проклинающих (32); переносить гонения за правду (33); не быть гордецом, сонливцем, ленивцем (34–38); не роптать (39); не говорить о других дурно (40). Всю надежду возлагать на Бога (41); доброе, что увидишь в себе, не приписывать себе, но признавать, что оно исходит от Бога (42), о зле же знать, что ты сам его творишь – оно исходит от тебя (43). Бояться Судного дня и геенны (44–45), стремиться к вечной жизни (46), всегда помнить о смерти (47). Хранить постоянное внимание и помнить, что Бог видит нас повсюду (48–49). Противостоять дурным помыслам и открывать их более опытным монахам (50). Хранить уста от дурного слова, избегать многословия (51–53). С радостью слушать Священное Писание, часто простираться в молитве (55–56). Каждый день открывать Богу в молитве свои грехи, оплакивая их, и стараться впредь их не повторять (57–58). Не

уступать похотям плотским и ненавидеть свою волю (59–60). Во всем подчиняться наставлениям аббата (61). Исполнять каждый день заповеди Божии (63). Стремиться к целомудрию (64). Никого не ненавидеть, никому не завидовать, избегать споров (65–68). Почитать старших, любить младших (70–71). Молиться за врагов в духе Христовом (72). Если с кем поссорился, примиряться до захода солнца (73). И никогда не отчаиваться в милосердии Божиим (74). Возвращение к Богу начинается с послушания. Монах повинуется старшим немедленно и с радостью, подражая Христу, Который сказал, что не Свою волю пришел исполнить, но волю Отца (Ин. 6, 38) (V). **Чтобы слушать, нужно научиться хранить молчание.** Теме молчания посвящена шестая глава Устава. Дело не только в том, чтобы избегать дурного или пустого слова. Молчание предпочтительнее даже слов, сказанных с добрыми намерениями: учителю подобает говорить и наставлять, ученику – молчать и слушать (VI, 2–6).

Возвышает только смирение. Лестница, которую видел во сне Иаков, – лестница смирения. Тот, кто возрастает в смирении, поднимается по ней, тот, кто поддается гордыне, – падает (VII, 6–8). В этой лестнице Бенедикт насчитывает двенадцать ступеней.

Первая из них – хранить внимание. Нужно избегать забвения (VII, 10), помнить, что Бог всегда рядом и всегда нас видит (VII, 13). **Богу открыты не только поступки, но и мысли, напоминает Бенедикт, ссылаясь на Писание:** «Ты испытываешь сердца и утробы, праведный Боже!» (Пс. 7, 10); «Господь знает мысли человеческие» (Пс. 93, 11); «Иду ли я, отдыхаю ли, Ты окружаешь меня, и все пути мои известны Тебе» (Пс. 138, 3) (VII, 14–17). Но кроме мыслей, следует наблюдать и за волей – стремиться исполнить не свою волю, но волю Божию, как говорит о том прошение в молитве Господней (Мф. 6, 10). Собственная воля нередко оказывается пагубна: «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их – путь к смерти» (Прит. 16, 25). Своей воле следовали те, о которых говорит псалом 13: «Сказал безумец в сердце своем: «Нет Бога». Они развратились, совершили гнусные дела; нет делающего добро» (Пс. 13, 1) (VII, 19–22).

Следующие ступени смирения, о которых говорится в седьмой главе: 2) возненавидеть свою волю (31–33); 3) повиноваться старшим из любви к Богу (34); 4) проявлять терпение и стой-

кость в скорбях (35–43); 5) открывать аббату дурные помыслы (44–48); 6) довольствоваться самым низким положением (49–50); 7) искренне себя принижать (51–54); 8) исполнять Устав монастыря и не делать ничего иного (55); 9) хранить молчание (56–58); 10) избегать смеха (59); 11) говорить кротко, разумно, немногословно (60–61); 12) постоянно ощущать себя перед судом Божиим (64).

Таким образом, седьмая глава, начинаясь с темы внимания, завершается темами, тесно с ней связанными: молчание, немногословие, постоянное памятование о Боге и Его суде. Однако это не движение по кругу, а восхождение. Тот, кто поднялся по лестнице смирения, обретает совершенную любовь к Богу, которая изгоняет страх (1 Ин. 4, 18). Отныне он стремится к праведности не из страха Божия, а из любви; исполнение воли Божией, которое прежде могло быть тягостно, теперь доставляет только радость (67–69).

Перечислим кратко остальные правила, составленные Бенедиктом для его «школь».

Службы состоят из псалмов, гимнов, литаний и чтения Священного Писания. Особое место в монастырском богослужении занимает Псалтирь – за неделю обязательно должны быть прочитаны все 150 псалмов (VIII – XIX). В молитве мы будем слышаны не по обилию слов, но по чистоте сердца, напоминает Бенедикт. Каким бы ни был личный опыт каждого молящегося, общая молитва должна быть краткой (XX).

Монахи спят в общем помещении – dormitorio, в одежде, чтобы, встав, сразу идти молиться (XX).

Для монахов, проявляющих непослушание и упорствующих в нем, предусмотрены эпитимии: они могут быть отлучены от совместной трапезы, лишены права читать на богослужении псалмы и тексты Писания (XXIII–XXV). **Братья не должны с ними общаться (XXVI)**, тогда как аббат должен их увещевать и ободрять, как мудрый врач и добрый пастырь (XXVII). Те, кто несмотря на многочисленные эпитимии не исправляется, могут быть изгнаны из монастыря (XXVIII).

Келарь должен быть зрелым и мудрым человеком и заботиться о монахах, как любящий отец. Каждому в нужное время будет дано то, в чем он нуждается: никто не должен тревожиться или печалиться в доме Божиим (XXX).

Ни один монах не может иметь личной собственности, даже его тело и его воля ему не принадлежит. В монастыре все имущество общее. Если монахи в чем-либо нуждаются, они получают просимое от аббата (XXXIII). Аббат учитывает потребности каждого монаха. Тот, кому больше нужно, осознает свою слабость. Тот, кто нуждается в меньшем количестве вещей, свободнее. Так все сохраняют в душе мир (XXXIV).

Еду монахи готовят по очереди. Они начинают свой труд с молитвы, и вся община молится за них (XXXV).

За больными следует ухаживать с особой заботой и любовью. Больным можно есть мясо, и к ним не применяются общие правила о трапезах (XXXVI). Аббат должен также заботиться о пожилых монахах и детях (XXXVII).

За трапезой читается Священное Писание, монахи слушают, храня полное молчание (XXXVIII).

В промежутках между службами монахи занимаются различными работами и духовным чтением (XLVIII).

Новых братьев принимают в монастырь лишь по прошествии года. За это время они должны изучить устав, освоиться с монастырской жизнью и обдумать свое решение (LVIII). **Все вступающие в монастырь отказываются от своего имущества.** Если священник вступает в монастырь, он не получает никаких привилегий (LX). **Старшинство определяется временем, проведенным в монастыре,** и не зависит ни от происхождения, ни от сана, ни от возраста монаха. Важен лишь опыт духовной жизни. Младшие должны почитать старших, старшие любить младших (XLIII).

Аббат избирается монахами (LXIV).

В заключение Бенедикт отсылает к творениям Отцов и Писанию, где найдут руководство стремящиеся к совершенству: свой Устав он рассматривает как правило для начинающих (LXXIII).

Сопоставляя два Устава – «Правило» Августина и «Правило» Бенедикта, нужно учитывать, что жанр этих памятников не вполне идентичен. Августин – автор необозримого множества трудов, философских, богословских, пасторских. Он вовсе не стремится в своем «Правиле» охватить все стороны монашеской жизни. Для Августина ничуть не меньше, чем для Бенедикта, «монах» – тот, кто обретает единство и цельность, стремясь к единению с Богом.

Но о стремлении к Богу и о созерцательной жизни у Августина столько написано, что ему нет необходимости излагать эту тему в «Правиле». Акцент ставится иначе: «монах» становится единым, обретая единство с другими людьми. Большинство рекомендаций в *Regula ad servos Dei* нацелены на создание и сохранение этого единства. Мотив «учителя» и «школы», проходящий сквозь все «Правило» Бенедикта, в «Правиле» Августина отсутствует. Упоминания о послушании есть, но они связываются скорее с излечением от болезней телесных или духовных: тот, кого следует слушать, предстает здесь не как учитель, а как врач.

В контексте творчества Августина идеалом монашеской общины оказывается дружба. Становясь друзьями Божьими, члены общины должны стать друзьями и между собой. И наоборот: друзья в общем поиске истины, живя «единым умом и единым сердцем», становятся друзьями Бога – таков был путь самого Августина.

Для Бенедикта, как и для Августина, образцом служит община первых христиан. Однако в «Правиле» Бенедикта акцент ставится на послушании учеников учителю, который представляет Учителя – Христа. Послушание – это умение слышать, оно требует внимания. Хранению внимания Бенедикт посвящает немало наставлений. Единство учеников создается прежде всего за счет их послушания слову учителя, Писанию, Слову Самого Бога.

Примечания

- ¹ См. критическое издание «Правил»: *Verheijen L.* La Règle de saint Augustin. Paris, 1967. Etudes Augustiniennes.
- ² В своем изложении я придерживаюсь двух исследований: *Trapè A.* S. Agostino: L'uomo, il pastore, il mistico. Roma, 2001; *Trapè A.* Introduzione a S. Agostino: La Regola. Roma, 1996.
- ³ «Исповедь» цитируется по изданию: Аврелий Августин. Исповедь / Пер. с лат. М.Е.Сергеенко. Вступит. ст. А.А.Столярова. М., 1991.
- ⁴ *Суини М.* Лекции по средневековой философии. Вып. 1: Средневековая христианская философия Запада / Пер. А.К.Лявданского. М., 2001 // <http://www.krotov.info/history/13/suini/page06.htm>
- ⁵ *Марру А.-И.* Св. Августин и августинианство / Пер. О.Головой. Долгопрудный, 1999. С. 41–45.
- ⁶ См.: *Trapè A.* Introduzione a S. Agostino: La Regola. Roma, 1996 // http://www.augustinus.it/pensiero/commento_regola/index2.htm

- ⁷ Перевод этой цитаты по тексту: *Суини М.* Указ. соч.
- ⁸ *Суини М.* Указ. соч.
- ⁹ *Цицерон.* О старости; О дружбе; Об обязанностях. М., 1993. С. 36.
- ¹⁰ Текст с критическим аппаратом: *La Règle de saint Benoît I–II.* Introd., trad. et notes par Adalbert de Vogüé. Texte établi et présenté par Jean Neufville. P., 1972. (Sources Chrésiennes, 181–182). Исследование рукописной традиции: *La Règle de saint Benoît III.* Instruments pour l'étude de la tradition manuscrite par Jean Neufville. P., 1972. (Sources Chrésiennes, 183). Исторический, филологический и богословский комментарий: *La Règle de saint Benoît IV–VI.* Commentaire historique et critique par Adalbert de Vogüé. P., 1971. (Sources Chrésiennes, 184–186).
- ¹¹ О жизни св. Бенедикта см. замечательный труд: *Вогюэ А. де.* Св. Бенедикт: Человек Божий / Пер. с фр. В.Бетаки и А.Стерпен; Под ред. А.Мосина. P., 1995.
- ¹² Цитаты из «Правил» Бенедикта в переводе автора статьи.